

ТЕАТРЪ

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ТЕАТРАЛЬНАЯ
ГАЗЕТА

Изданіе Ж-ва Скоропечатки А. А. Левенсонъ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА Москва, ТВЕРСКАЯ
АМОНОВСКИЙ ПЕР., д. ТВА А. А. Левенсонъ.
• • Телефоны № 211—72 и 18—93. • • •

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой 5 р. въ годъ.

В. О. КОМИССАРЖЕВСКАЯ.
къ XV-ти лѣтію ея сценической дѣятельности.

В. Ө. Коммиссаржевская.

17-го сентября.

Сегодня русскій театральнй мйръ и всь, чьему сердцу любь и дорогь театр, чувствуют одну изь прекраснйшихъ своихъ героинь.

Говорили, пятнадцать лть—не юбилей. Традицей освящены иные сроки. Пятнадцать, это—не сакраментально. Не грань, не вьха на пути; это—посреди дороги.

Не станемъ сегодня подымать скучный споръ о цифрахъ и слишкомъ ревниво цьпляться за ихъ сакраментальное значеніе. Не все же должно мьряться числами.

Недостаточно юбилейный периодъ вмьстиль въ себь громаду художественной работы, такую роскошь творчества и такое богатство очаровательныхъ достижений.

Вь этомъ—достаточное обоснованіе отступленію отъ юбилейной традиции и ея требованій.

И мы рады, что, волею случая, мьстомъ сегодняшняго чествованія Вьры Өедоровны Коммиссаржевской оказалась Москва, гдь впервые, робкою стопою любительницы, стала великая русская артистка на свой славный путь.

Вь Москвь была колыбель этой прекрасной славы. И Москва подводитъ нькоторый итогъ совершенному и сопрождаетъ радостными привьтами и пожеланіями въ новый путь.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ 25% скидки.

Театр, № 267, среда
17.12
1908г.

Въ послѣдніе годы, когда В. О. Комиссаржевская, уже достигшая зенита таланта и популярности, по трудной дорогѣ смѣлыхъ исканій, подняла въ театрѣ знамя художественнаго мятежа,—закипалъ вкругъ ея славнаго имени жаркій, страстный споръ. Онъ и сейчасъ—въ своемъ разгарѣ. Скрещивается оружіе. Сплетаются восторги и укоры, хвалы и порицанія. Въ глазахъ иныхъ заколебался фундаментъ ея величія, и стали блекнуть лавры въ вѣнкѣ на ея вдохновенной головѣ. Отрицаніе новыхъ формъ сценическаго искусства, которымъ отдала Комиссаржевская свои силы, какъ-будто

включало въ себѣ и отрицаніе самой артистки.

Но это могло быть только въ пылу споровъ, въ азартѣ борьбы. Въ часы спокойнаго размышленія, когда теоретическія разногласія притупляютъ свою остроту, даже и тѣ, для кого новое художественное дѣло Комиссаржевской—ересь, печальное заблужденіе, признають, что сама она—громадная художественная сила, исключительно-богатое и привлекательное дарованіе.

Была и есть.

Всѣ блужданія и ошибки, всѣ невѣрные увлеченія, какъ бы печальными, кто

ДОРОЖНЫЕ ВЕЩИ, СУНДУКИ, КОРЗИНЫ, ЧЕМОДАНЫ, ПОРТЬ-ЛЕДЫ, ДѢТСКІЕ КОЛЯСКИ, ВЕЛОСИПЕДЫ
Т-го Д-ма А. А. АЛЕКСАНДРОВЪ съ С-ми.
МОСКВА, Верхніе ряды, Красная площадь, подъездъ отъ Минина. | Телеф. 26-62.

ихъ ни считалъ, не измѣнили этого. Оставили Комиссаржевскую прекрасною избранницею, носительницею благороднаго и драгоценнаго дара. Въ немъ, въ этомъ прекрасномъ дарѣ,—одна изъ лучшихъ гордостей русскаго театра и одна

теперь и ведетъ свой волнующійся театръ. Вопросъ это очень сложный, очень запутанный. Нужно не разрубать его путанные узлы, но съ большою бережностью развязывать, чтобы за одно съ нитями гнилыми не порвать и другихъ, свѣжихъ и крѣпкихъ. Одно сплошное и размашистое отрицаніе вышолетъ вмѣстѣ съ сорными травами и добрыя злаки.

Но какъ бы ни расцѣпывать это новое дѣло, за которое В. Э. Комиссаржевская расплачивается такою дорогою цѣною,—и оно, это самое, такъ спорное дѣло, безспорно свидѣтельствуетъ въ пользу артистки. Свидѣтельствуетъ о томъ святомъ недовольствѣ, которое есть первый признакъ всякаго истиннаго художника, и которымъ всегда обожжена душа В. Э. Комиссаржевской.

Будемъ въ другіе дни измѣрять объективные результаты,—сегодня признаемъ большую субъективную, психологическую цѣнность этихъ взволнованныхъ, мятежныхъ исканій.

В. Э. Комиссаржевской было такъ легко и такъ уютно успокоиться на уже добытомъ ею. Она узнала всю полноту признанія, успѣха, славы. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда ушла она съ петербургской Александринской сцены, было у нея все, чего можетъ желать, чѣмъ можетъ насытиться всякое личное артистическое самолюбіе. Ровный и почетный лежалъ передъ нею путь въ будущемъ. Она не захотѣла на немъ остаться.

То святое недовольство, которое мы отмѣтили, горячая любовь къ искусству, неутолимая жажда высшаго свели ее съ этого пути, бросили во всѣ тревоги новаго исканія.

Для себя лично, для того, что зовется карьерой актера, Комиссаржевская поступила, вѣроятно, неблагоприятно, нерасчетливо. Скажемъ больше, она, быть можетъ, поступила даже во вредъ своему личному таланту. Мы всѣ видѣли, какъ гнула она его, какъ подчиняла его жизнь требованіямъ новой формулы, связывала полеты своего вдохновенія.

изъ опоръ его права на всеевропейское признаніе.

Не время сегодня, на праздникъ артистки, разбирать, вѣренъ ли и куда ведетъ, въ царствіе свѣта, или въ холодную тьму, тотъ путь, какимъ идетъ она

Ресторанъ „МАРТЬЯНЫЧЪ“

„МУЗЫКА“ И. Ф. МЮЛЛЕРЪ

И этого не надо было дѣлать.

Ея талантъ дороже всякой формулы. Онъ слишкомъ драгоцененъ, чтобы быть матеріаломъ для какихъ-либо экспериментовъ.

Но правилъ Коммиссаржевскою законъ высшій, чѣмъ даже любовь къ собственному таланту. Надъ всѣмъ царствовало стремленіе къ невѣдомому, но рисовавшемуся въ заманчивыхъ даляхъ идеалу новой художественной истины. И этому стремленію отдала всю себя артистка.

И послѣдніе годы ея дѣятельности были какъ подвигъ.

«Въ нашемъ дѣлѣ, играемъ мы на сценѣ или пишемъ, главное—не слова, не блескъ, а умѣнье терпѣть. Умѣй нести свой крестъ и вѣруй». Эти слова изъ чеховской «Чайки» написала В. О. Коммиссаржевская на томъ портретѣ, который воспроизводимъ мы сегодня.

Цитата была сдѣлана въ ту пору, когда В. О. Коммиссаржевская только что разсталась съ Александринскимъ театромъ и пошла своей самостоятельной, свободной дорогой. Слова оказались пророческими. Съ вѣрою понесла артистка свой крестъ.

И сегодня, привѣтствуя въ ней большой, увлекающій талантъ, привѣтствуя художника, наполнявшаго русскихъ зрителей лучшими восторгами, мы привѣтствуемъ вмѣстѣ и смѣлаго, самоотверженнаго искателя.

Время, быть можетъ, смететъ очень многія изъ ея исканій, какъ ошибки и ложь, какъ ненужное театру; но исторія театра сохранитъ память о самой искаательницѣ и закрѣпитъ ея имя въ двойномъ ореолѣ.

Какъ сложатся будущіе дни В. О. Коммиссаржевской на сценѣ,—мы не знаемъ. Но мы, со всѣми, кому дорога она, кому дорогъ театръ, полны желанія, чтобы наша, наконецъ, артистка такую форму, которая-бы не тѣснила, но помогала ея прекрасному таланту, чтобы исканіе и творчество обрѣли въ Коммиссаржевской гармонию.

Красота страданія.

Носительницею и выразительницею этой красоты была всегда Коммиссаржевская-артистка.

Во славу этой красоты страданія были всѣ пятнадцать лѣтъ, что прожила Коммиссаржевская въ театрѣ.

Отъ Розы до Франчески.

Le ne sais si une femme a jamais mérité d'être très malheureuse, говоритъ одинъ меттерлинковскій герой.—«Я не знаю, заслуживаетъ ли когда-нибудь женщина быть очень несчастной».

Коммиссаржевская могла бы поставить эти слова поэта, котораго такъ нѣжно и такъ чутко любить, эшиграфомъ ко всей поэмѣ своего сценическаго творчества.

И, чтобы доказать это, доказать незаслуженность женскаго страданія, всѣ пятнадцать лѣтъ, среди всѣхъ смѣнъ своихъ сценическихъ направленій, одѣвала страданіе великою красотою. Передавала его во всей глубинѣ. И всегда находила тѣ родники, изъ которыхъ падаютъ лучшія слезы.

Когда оглядываешься назадъ, на прожитое, и встаютъ, одинъ за другимъ, созданные Коммиссаржевской образы,—кажется, что все это—одна скорбная и прекрасная повѣсть. Это—исторія чистой женской души, которая пришла въ міръ, чтобы перестрадать всѣ муки, истерзать себя во всѣхъ жестокостяхъ судьбы и выплакать всѣ слезы.

Прошли передъ глазами такія различныя лица,—маленькія мѣщаночки и историческія страдалицы, юныя дѣвушки, чье сердце едва раскрылось для перваго горя, и женщины, претерпѣвшія уже всѣ удары, израненныя жизнью, клонящіяся къ закату. Были наивныя и были преступныя, покорныя и бунтующія, вѣрующія и отчаявшіяся.

И были это то образы великихъ художниковъ, то сочиненія маленькихъ ремесленниковъ, титановъ и лилипутовъ драматургій. Были Гете и Фаберъ, Чеховъ

Р я д ы. ЕЖЕДНЕВНО ОРКЕСТРЪ
до 2-хъ час. ночи.